

Лодка

Смотри, как перевозят снег
В небесной лодке.
Какой короткий выпал век,
Какой короткий.
Чего искала, кем была,
О чем мечтала?..
А снег осыплется с весла —
И нас не стало.

Не стало неба и земли,
Ни крыш, ни улиц,
Как будто взрослые ушли
И не вернулись,
Как будто смотришь из окна
И ждешь ответа..
Лишь лодка белая видна
Над белым светом.

Очнешься в городе пустом —
Туман и слякоть.
Уже не вспомнить ни о ком
И не заплакать.
Как скоротечен человек —
И сам не знает.
Качнется лодка, ляжет снег,
И полегчает..

Втекает небо в нашу форточку,
И мы не знаем наперед,
Кого, как маленькую лодочку,
Легко от берега толкнет.

Едва заметное движение
Качнет небесную траву,
И только слышно, как растения
Роняют зерна в синеву.

Ах, мои девочки и мальчики,
Нет неба выше, и под ним
Мы все стоим, как одуванчики.
Но дунет ветер — и взлетим.

Но нет, зима не будет вечной.
Трамвай плетется до конечной,
Глаза слезятся на ветру.
Все образуется, конечно,
Я не умру, я не умру...

Мы непременно будем живы.
И будет снег неторопливый
Идти, как символ чистоты,
Как будто многорукий Шива
Рассыпал белые цветы.

Заметены ориентиры,
Пустоты, трещины и дыры,
А снегу словно нет конца.
В пространстве маленькой квартиры
Бесценны теплые сердца.

Но нет, зима не будет вечной.
Мы далеко не безупречны,
И не научены пока
Вплетаться мышцею сердечной
В поэму мира на века.

Когда опомнишься от бега,
Твой дом становится ковчегом,
А жизнь по-прежнему права.
И где-то глубоко под снегом
Растет упрямая трава...

Все обязательно исполнится,
Переболеет, отболит.
Какое облако над звонницей
Невероятное парит.

И мы дурачки, нелепые,
Глядим наверх, разинув рты,
На старом снимке — словно слеплены
Из юности и красоты.
Такие, в сущности, не взрослые,
(Обнять и плакать, Боже мой),
Смешные, дерзкие, несносные,
Что нас бы за руку домой
Вести и по углам растаскивать,
И обязательно учить,
Что надо быть добрей и ласковей,
Что надо ближнего любить.
Так говорила моя бабушка,
Хранитель детства моего.
Теперь небесные оладушки
Печет, незнамо для кого.
Однажды нам и не припомнится,
Как много вложено любви.
Лишь это облако над звонницей —
Оно твое,
Лови, лови...

Юзек и Магда

Юзек просыпается среди ночи, хватая ее за руку, тяжело дышит:
«Мне привиделось страшное, я так за тебя испугался...»
Магда спит, как младенец, улыбается во сне, не слышит.
Он целует ее в плечо, идет на кухню, щелкает зажигалкой.

Потом возвращается, смотрит, а постель совершенно пустая,
— Что за черт? — думает Юзек. — Куда она могла деться?..
«Магда умерла, Магды давно уже нет», — вдруг вспоминает,
И так и стоит в дверях, пораженный, с бьющимся сердцем...

Магде жарко, и что-то давит на грудь, она садится в постели.
— Юзек, я открою окно, ладно? — шепчет ему на ушко,
Гладит по голове, касается пальцами нежно, еле-еле,
Идет на кухню, пьет воду, возвращается с кружкой.

— Хочешь пить? — а никого уже нет, никто уже не отвечает.
«Он же умер давно!» — Магда на пол садится и воет белугой.
Пятый год их оградки шиповник и плющ увивает.
А они до сих пор все снятся и снятся друг другу.

Где в песне ветра — отрицанье смерти,
Уже душа прозрачна и легка,
Еще стоишь, как продолженье тверди,
Но прямо сквозь тебя течет река.

Еще сшиваешь мир с изнанкой слова,
Не ожидая ничего взамен,
Еще не отнят у всего живого,
Уже разъят на космос и на плен.

Уже разъят на жизнь и на иное
И разделен на музыку и тишь,
Где каждый звук отточен и отстроен,
Где ты вот-вот с Господних уст слетишь.

Этот дымный город, размытый воздух,
где вокзал спиной к пустоте прижался.
— Ты не поздно? — спрашивала.
— Не поздно.
Уходил и больше не возвращался.

Все казалось, лето, а это в гору
поднимались воды, смывали небо.
— Ты же скоро? — спрашивала.
— Я скоро.
И кончалось время, и память слеpla.

Приходи,
любить тебя больше нечем,
больше нечем биться в грудную клетку.
Я теперь на целое сердце легче,
я совсем невесомая стану к лету...

Когда декабрь возьмет меня к себе,
посадит на колено, успокоит,
малютка-ангел на своей трубе
сыграет что-то давнее, простое...

И тот мотив, без боли и без слез,
во мне откроет потайную дверцу,
и ты легко пройдешь ее насквозь
и выйдешь из меня в районе сердца.

Твои следы внутри присыплет снег,
и кто-то сверху, потрясая ситом,
прищурится и скажет: «Как у всех...
Ну, вот и славно, вот уже забыто».

А ты стоишь под фонарем в такой
дурацкой шапке — умереть от смеха!
И я машу, машу тебе рукой...
Но ты меня не видишь из-за снега.

Помнишь, по небу скользил самолет,
А по волнам — пароходик.
Все говорили, что это пройдет,
А ничего не проходит.
Я заживала, почти зажила,
Не онемела — и ладно.
Кажется, целая вечность прошла.
Целая вечность, мой славный.

Черные ветви на белом снегу,
Оттепель — редкая милость.
Я даже выплакать все не могу,
Что без тебя накопилось.
Я этот город насквозь прожила,
Столько души износила.
Кажется, целая вечность прошла.
Целая вечность, мой милый.

Все говорили, что это пройдет,
А ничего не проходит.
Просто по небу скользит самолет,
А по волнам — пароходик,
Желтый троллейбус бежит до угла,
Катится красный трамвайчик.
Кажется, целая вечность прошла.
Целая вечность, мой мальчик.

